

Судья висит на проводе

13.05.2011

Президент хочет оградить суды от влияния депутатов и чиновников, рассылающих письма и запросы. Но ведь есть еще телефонные звонки «свыше»...

Президент Дмитрий Медведев предложил обнародовать все письменные обращения, направляемые в суды. По его мнению, это — давление на суд, а публичность обращений станет важной антикоррупционной мерой.

Эксперты не против огласки обращений, но называют наивными надежды на то, что снизит коррупцию в судебной системе. Давление на суды, по их мнению, осуществляется совсем в других формах — не путем направления официальных писем.

Выступая на совещании по вопросам совершенствования судебной системы, Медведев раскритиковал существующую практику обращений профессиональных или корпоративных групп и представителей власти к председателям судов с просьбами «обеспечить объективное, полное и всестороннее рассмотрение дела» или «взять дело под свой личный контроль».

По его словам, это «нарушение не только этических норм, но и правовых», потому что с такими просьбами может обратиться весьма узкий круг людей, и «подобные ходатайства нарушают принцип равенства всех граждан перед судом и перед законом». Во-вторых, полагает президент, это можно толковать и как неуважение, и как недоверие к суду — «поскольку авторы как бы изначально предполагают, что суд может вынести неправильное, неправоудное решение». Наконец, считает он, «просьба взять под личный контроль и посмотреть повнимательней — прямое нарушение принципов независимости суда и судей».

По словам президента, «на протяжении долгих лет переписка по таким вопросам между ведомствами, должностными лицами была закрытой, и такого рода ходатайства никак не влияли на репутацию лица, обращающегося с подобными просьбами». Между тем, считает он, «для большинства политиков вопрос их репутации — это первейшая тема и, по сути,

важнейшее условие их пребывания на государственной службе». А потому надо сделать все эти обращения публичными — и, скажем, Высший Арбитражный суд такую практику уже ввел и применяет...

Указанная практика достаточно любопытна. На сайте ВАС сейчас более полусотни обращений, в том числе от различных должностных лиц. Среди них лидеры всех парламентских партий — Сергей Миронов, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов и Олег Морозов, главы регионов (в том числе губернатор Петербурга Валентина Матвиенко, глава Коми Вячеслав Гайзер и губернатор Воронежской области Алексей Гордеев), министр иностранных дел Сергей Лавров и целый ряд депутатов Госдумы.

Тематика обращений самая различная. Так, Владимир Жириновский выступает ходатаем по делу о защите авторских прав производителей коньяка из Дагестана, а Валентина Матвиенко просит взять под личный контроль дело, касающееся прав на землю у совхоза «Ручьи».

Сергей Миронов, как говорят, «придельывает ноги» к обращению представителей одного из столичных ЖСК. Он сообщает главе ВАС Антону Иванову, что ими подано заявление о пересмотре решения арбитражного суда в порядке надзора, и пересылает в ВАС обращения заявителей.

Алексей Гордеев, учитывая «социальную значимость вопроса», просит «обратить особое внимание» на доводы, изложенные в надзорной жалобе его администрации (по иску о взыскании крупной суммы с бюджета области).

Сергей Лавров просит при решении вопроса о возврате в федеральную собственность пансионата «Юность» «принять во внимание интересы российской дипломатической службы», поскольку пансионат предполагается использовать для отдыха сотрудников МИДа и членов их семей, «вернувшихся из длительных заграничных командировок в странах с тяжелой климатической и общественно-политической обстановкой».

Депутат Госдумы, единоросс, Герой Соцтруда и академик РАН Михаил Залиханов ходатайствует о взятии под контроль дела предпринимателя Олега Чурикова (его коллеги по партии), который жалуется, что власти давят на его сельхозпредприятие, и имеет «сомнения в законности» решений арбитражных судов по его делам.

Депутат Госдумы Сергей Обухов (КПРФ) просит о восстановлении процессуального срока рассмотрения жалобы обратившейся к нему заявительницы. Его коллега по фракции, бывший командующий Черноморским флотом Владимир Комоедов обращается в поддержку необоснованно, по его мнению, отстраненного от должности собранием акционеров директора Пискаревского молочного завода Петра Даньшина — в чем адмирал Комоедов видит угрозу продовольственной безопасности России.

Депутат Олег Савченко («Единая Россия») жалуется на «судебную волокиту» в деле, связанном с обратившимся к нему руководителем коммерческой организации. А его коллега по фракции Юлия Песковская просит рассмотреть жалобу обратившихся к ней коммерсантов в порядке надзора.

На некоторых сайтах нижестоящих арбитражных судов тоже вывешиваются обращения — например, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области информирует о

восьми обращениях в суд, из которых, правда, только одно — от представителя власти. А именно от депутата Госдумы Татьяны Павловой («ЕР») в защиту индивидуального предпринимателя Вардгеса Казаряна, которого выселяет с принадлежащей ему земли благотворительный фонд «Покровский», по словам депутата, «все время заявляющий, что пользуется поддержкой высшего руководства страны»...

Понятно, что мотивы у всех, кто обращается в суды разных уровней, — разные, и среди обращений есть вполне обоснованные (и не должны рассматриваться как давление на суд).

Так, вряд ли можно усмотреть коррупцию и соответствующую материальную заинтересованность в том, что депутат выступает в защиту обратившегося к нему гражданина. Например, просит ускорить рассмотрение затянувшегося (в нарушение процессуальных сроков) дела, или выдать решение суда, которое упорно не предоставляют заявителю. Или взять под контроль рассмотрение дела, где стороны заведомо неравны по своим властным или финансовым возможностям и есть основания опасаться необъективного хода судебного процесса...

Что касается обращений, авторы которых ходатайствуют о разрешении дела в определенную сторону, то эксперты считают, что они реального влияния на решение суда, как правило, не оказывают, а их предание огласке практически ничего не изменит.

«Ничего плохого в публикации таких обращений не вижу, — говорит адвокат Михаила Ходорковского Юрий Шмидт, — но и пользу не стоит преувеличивать. Конечно, есть такие судьи, которые будут вникать в тон письма и думать, что и кто за этим стоит. Но думать, что это снизит давление на суд или поможет победить коррупцию, — наивно. Это какие-то детские игры. Настоящее давление осуществляется в других формах и другими людьми! Судья живет не в вакууме, и когда он, скажем, получает к рассмотрению дело Ходорковского, он не будет ждать, пока ему позвонят из президентской администрации или позвонит его начальство. Он поедет туда сам».

«Я работала в мировом суде, — говорит известный питерский юрист Ольга Покровская. — И к нам таких обращений, где бы просили «взять на контроль» или «объективно рассмотреть» вообще не приходило. Приходили письма из городского суда и прокуратуры, но они касались только чисто процессуальных моментов. Звонят ли судьям? Насколько я знаю, да. Но затем все зависит от самих судей: хватит ли у них сил противостоять давлению. Поможет ли огласка обращений в суд снизить коррупцию в системе? Не думаю. Это не борьба с коррупцией, а ее имитация. Надо бороться не с письмами в суд, а с зависимостью судов от исполнительной власти. С «непрозрачной» и не всегда объективной процедурой назначения судей. С подчинением судей главам соответствующих судов и их правом решать, кто будет рассматривать то или иное дело, выбирая «нужных» судей для «нужных» дел...».

По словам Якова Гилинского, доктора юридических наук, профессора, зав. кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета, публикация обращений в суды принципиально ни на что не повлияет.

«Есть два способа повлиять на решение суда, — говорит Гилинский. — Первый — за деньги, но это всегда делалось подпольно, и никто об этом писем не писал, не пишет и не будет писать. Для этого есть посредники, адвокаты и т.д. Второй способ — указания свыше. Но и

они тоже не направляются письмами! Председатель суда вызывает судью и «объясняет» ему, какое решение надо принять. А оттого что какой-нибудь депутат написал в суд и попросил «взять на контроль» или прямо решить дело в чью-то пользу, никто в суде под козырек не возьмет. Тем более если депутат такой чудак, что открыто это написал. Работают совсем другие механизмы. Звонки — по мобильному, по прямой связи, по Скайпу...».

На вопрос о том, как бороться с коррупцией в судах, профессор Гишинский отвечает, что абсолютных рецептов нет, но есть способ, проверенный в мире: так называемый *in rem*, когда учитываются не доходы должностного лица, а его расходы. И если расходы во много раз превышают доходы, то происходит конфискация. После чего чиновник должен доказывать, что все это благоприобретенное...

Наконец, интересна информация «изнутри» — от одного из представителей судейского сообщества, согласившегося побеседовать с обозревателем «Новой газеты». По его словам, письма в суды стали писать после того, как судьи перестали вести приемы. Однако, считает он, большинство обращений в суд от политиков пишутся исключительно, чтобы «отчитаться перед клиентом». Они прекрасно понимают, что никакого эффекта не будет, и ничуть этим не огорчены: их цель — поднять в глазах заявителей свой рейтинг. И если вывешивать на сайте письма, это будет только рекламой для тех, кто хочет «засветиться» как защитник граждан или организаций.

Те, кто хочет добиться результата, говорит мой собеседник, не пишут письма в суд. Они звонят.

«Чужой человек звонить судье не будет, — говорит он. — Обращаются те, кто лично его знает. Или находят тех, кто знает. Кто звонит? 75% звонков — это прокуратура и милиция. Они звонят, чтобы дали санкцию на арест, или чтобы не выпускали того, кого, по их мнению, выпускать нельзя. Чтобы сгладить недоработки предварительного следствия. Чтобы «принять во внимание» или «учесть» — в общем, чтобы добиться определенного результата в суде. Еще звонят фээсбэшники — например, по делам о контрабанде». Ну, а оставшаяся четверть звонков — это представители власти и адвокаты...

Получается, что обнародовать надо не письма, а звонки. Но какой судья будет это обнародовать и признаваться, что ему звонил губернатор, министр или кремлевский чиновник? Ставить судейские телефоны на «прослушку»? Но санкцию на это должен дать другой судья, а он, скорее всего, этого не сделает, потому что может оказаться в такой же ситуации. Запретить судьям пользоваться мобильными телефонами и на всякий случай Скайпом? Записывать (как это делается при обращении в различные службы) все беседы по служебным номерам и вывешивать их на сайте?

Ответы на эти вопросы дать непросто. Но Дмитрий Медведев не то что не дает их — он их даже не ставит.

Обнародовать все письменные обращения в суды, наверное, в ближайшее время будут — и, возможно, даже закрепят это законом. Но это будет такая же «нанореформа», как и многие другие начинания президента.

[Борис Вишневский обозреватель «Новой»](#)

